

Специфика наррации дневников В.Н. Крупина (на примере сборника «Железный почтальон»)

Кабылкова А.А.

*Полоцкий колледж учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Полоцк*

В творчестве В.Н. Крупина благодаря использованию разнообразных жанров и форм отражаются такие важнейшие социокультурные категории, как духовность, православие, нравственность.

Цель статьи — на примере дневников, вошедших в сборник «Железный почтальон», выявить обусловленность типа нарратора в соответствии с выбранным жанром.

Материал и методы. *На основе текстов «Снежный туман» и «Тают снега» с помощью биографического и структурного методов рассматривается специфика наррации в рамках представленного жанра. Используются биографический метод, основанный на связи между литературными текстами и биографией автора, и структурный, позволяющий рассмотреть все уровни художественного текста.*

Результаты и их обсуждение. *Дневники, вошедшие в сборник «Железный почтальон», продолжают традиции классического дневника, но в то же время являются новаторскими. В дневниках «Снежный туман» и «Тают снега» использован имплицитный образ нарратора, о чем свидетельствуют особые приемы построения повествования. Описываемому типу нарратора соответствует модель точки зрения, представленная в текстах.*

Заключение. *Указание в заглавии текста его жанровой принадлежности призвано акцентировать внимание на идейной составляющей произведения и особой автобиографичности текста. Обращение к дневниковой форме обуславливает особенности наррации текста.*

Ключевые слова: *дневник, жанр, нарратор, модель точки зрения, православие.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 145–149)

Specificity of the Narration of V.N. Krupin's Diaries (on the Example of «The Iron Postman»)

Kabylkova A.A.

*Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University»
Polotsk College, Polotsk*

In the works of V.N. Krupin through the use of various genres and forms, the social and cultural categories such as spirituality, Orthodoxy, morality are reflected.

The purpose of the article is to identify the conditionality of the type of narrator according to the chosen genre using the example of diaries from the collection «Iron Postman».

Material and methods. *Based on the texts «The Snow Fog» and «The Snow Melts» with the help of biographical and structural methods, the specificity of the narration within the presented genre is considered. We have applied the biographical method, based on the link between literary texts and the author's biography, as well as the structural one which makes it possible to consider all the levels of the artistic text.*

Findings and their discussion. *The diaries from the collection «The Iron Postman» continue the traditions of the classic diary, but at the same time they are innovative. In the diaries «Snow Fog» and «The Snow Melts» an implicit image of the narrator is used, as evidenced by special methods of constructing the narrative. The described type of the narrator corresponds to the view point model presented in the texts.*

Conclusion. *The indication in the title of the text of its genre affiliation is intended to emphasize the ideological component of the work and the special autobiographical nature of the text. Using the diary form determines the peculiarities of the narration of the text*

Key words: *diary, genre, narrator, the view point model, Orthodoxy.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 145–149)

Основной темой творчества В.Н. Крупина 2010-х годов является православие. Говоря о специфике выбора темы произведений, Т. Кошурникова отмечает: «Творчество В.Н. Крупина последних лет как нельзя лучше иллюстрирует эволюцию личности автора, его мировоззрение. Если в первых повестях (например, циклы «Зерна», «Варвара») цитаты из Писания, народные христианские пословицы были неакцентированы, отражали народную мудрость, использовались лишь для раскрытия образов героев, то на современном этапе творчество приобрело исповедальный характер, изменилась образно-содержательная основа произведений. Это – произведения о современном человеке, пришедшем в церковь и узнавшем Бога, постигающем истину Православия. Многие произведения 90-х годов («Крестный ход», «Незакатный свет», «Авторучка», «Дежурная» и др. рассказы) написаны от первого лица. Открытая назидательность, страстность, особое построение текста создают диалогические отношения с читателем» [1]. Наличие литературно-критических и литературоведческих работ, посвященных творчеству Крупина, Т.В. Кошурниковой, О.В. Рыбак и других доказывает, что его произведения актуальны и значимы в мире литературы. Однако тексты последних лет, особенности наррации произведений на сегодняшний момент остаются не изучены, что обуславливает актуальность данного исследования.

Цель статьи – на примере дневников, вошедших в сборник «Железный почтальон», выявить обусловленность типа нарратора в соответствии с выбранным жанром.

Материал и методы. На основе текстов «Снежный туман» и «Тают снега» В.Н. Крупина рассматривается специфика наррации в рамках представленного жанра (теоретическая база – «Нарратология» В. Шмида). Используются биографический метод, основанный на связи между литературными текстами и биографией автора, и структурный, позволяющий рассмотреть все уровни художественного текста.

Результаты и их обсуждение. Практически весь корпус текстов В.Н. Крупина содержит в себе элементы автобиографичности. Для того чтобы поделиться с читателем основами своего мировоззрения, описать эстетическую позицию, автор применяет различные формы журналистики и художественной литературы.

На наш взгляд, наиболее удачным способом передачи личных чувств, впечатлений, мыслей

является дневник. Дневник как форма самоанализа был распространен во все времена. Пик его популярности приходится на XIX век, когда дневники пишут не только писатели, но и все неравнодушные к духовной жизни: музыканты, художники, политики. В это время возрастает уровень грамотности, образованности, что влечет за собой стремление человека описать свою жизнь, поделиться с потенциальным читателем собственными мыслями, переживаниями. Для того чтобы продемонстрировать свои философские выводы, многие начинают практиковать чтение дневника среди друзей. Постепенно дневник становится жанром художественной литературы. В этом жанре написаны такие произведения, как «Дневник лишнего человека» И.С. Тургенева, «Дневник семинариста» И.С. Никитина, «Дневник Павлика Дольского» А.Н. Апухтина и другие. Кроме того, истоки отдельных элементов дневниковой формы можно увидеть в характерных для русской литературы летописях и хождениях, где также фиксировались не только факты духовного самоопределения личности, но и представлялись сведения относительно исторических событий, быта и нравов определенной эпохи.

Сегодня дневник рассматривается с трех позиций: во-первых, как «хроникальная фиксация фактов, событий, которая ведется от первого лица; записанные реальными людьми сведения о текущих обстоятельствах их жизни, наблюдениях, настроениях и т.п.» [2, с. 49–50]. Во-вторых, дневник как полностью вымышленное литературное произведение (вышеописанные дневники). Иногда дневник «может стать средством раскрытия характера героя (“Журнал Печорина” в романе М.Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”» [2, с. 50]. В-третьих, дневник писателя, который может вестись для себя (дневник Л.Н. Толстого) или сразу предназначаться для публикации (дневник Ф.М. Достоевского). В любом случае дневник представляет собой особое свидетельство времени, способное максимально достоверно, точно и при этом искренне отразить современные фиксируемые события.

В 2014 году в свет выходит сборник «Железный почтальон. Рассказы о праведниках и грешниках». Кроме повестей «Великорецкая купель», «Железный почтальон», «Красная гора», ряда рассказов, в сборник входят два дневника: «Снежный туман. Зимний дневник» и «Тают снега. Весенний дневник». Ранее Крупин уже обращался к жанру дневника. Дневниковый характер имели письма, составляющие повесть «Сороко-

вой день» (1981), в них автор описывает и анализирует события прошедшего дня, большинство писем «пишется» именно вечером или ночью: «Целую. Снова ночь» [3, с. 216].

Дневники, представленные в сборнике «Железный почтальон», продолжают традиции классического дневника, но в то же время являются новаторскими. Предполагаем, что изначально они создавались как литературное произведение.

С точки зрения композиции Крупин нарушает одно из важнейших требований дневника как жанра – отсутствует конкретная датировка событий. Оба текста вообще не разделены на какие-либо главы, части.

У рассматриваемых дневников есть заголовки («Снежный туман» и «Тают снега»), что приближает их к рассказу, и лишь в подзаголовке читается авторское указание на жанр. Для творчества Крупина характерно использование авторских обозначений жанровой принадлежности (повесть в рассказах «Варвара», повесть в письмах «Сороковой день», роман-завещание «Спасение погибших»).

Согласно общим традициям, в дневнике описываются события, происходящие с нарратором в определенное время. В. Шмид предлагает уточнить значение термина «нарратор» (адресант фиктивной нарраторской коммуникации) и отмечает, что «в русском литературоведении употребляются два различных термина – “повествователь” и “рассказчик”» [4, с. 37]. В дневниках из сборника «Железный почтальон» нарративную функцию выполняет рассказчик, т.е. «носитель речи, открыто организующий своей личностью весь текст» [5, с. 33–34]. Для данного типа нарратора характерно изложение событий от первого лица («Я опять в родительском доме», «Топлю печь, кипячу чай» [6, с. 199], «Раным-рано приходит ко мне солнце. Выглядываю из окна снизу вверх» [6, с. 223]).

В дневниках «Снежный туман» и «Тают снега» представлен имплицитный образ нарратора, о чем свидетельствуют особые приемы построения повествования (по В. Шмиду):

1. Конкретизация, детализация подбираемых элементов.

Автор использует конкретный хронотоп: мы видим названия реальных улиц, реальной деревни. В «Весеннем дневнике» неоднократно подчеркивается, что действие происходит в Кильмезе – деревне, откуда родом Крупин. «И вот – иду по центральной Советской, бывшей Троицкой, улице. Мимо храма, мимо Дома культуры» [6, с. 269]. Для писателя образ Кильмези особенно

дорог, о родной деревне он говорит не иначе как о райском месте, опустившемся с небес. «Не знаю, как раньше, но по сравнению с другими местами Кильмезь во всех отношениях пример для подражания» [6, с. 267]. Также четко указывается время действия: «Вырвавшись из новогодней, пьющей и бьющей бутылки о булыжники Красной площади Москвы, взрывающей на потеху неопасные, но громкие петарды, визжащей и орущей, и снова пьющей, разве не понимал я, что и здесь, в вятских пределах, мне не обрести тишины, разве только мгновения. Да и за них надо непрестанно благодарить судьбу» [6, с. 200], – читаем в «Зимнем дневнике». «Весенний дневник» посвящен периоду Великого поста. При этом каждый день Страстной седмицы описывается очень подробно. Дни проходят в молитвах и трудах. Кроме того, нарратор детально описывает встречи со школьниками. Тема детства для Крупина всегда была очень актуальной, ведь именно дети – это надежда государства, особенно в духовном плане. И поэтому вопросы нравственного воспитания подрастающего поколения для писателя особенно значимы (вспомним раздел «Я шел в детство» сборника «Пока не догорят высокие свечи»).

2. Языковая презентация подбираемых элементов.

Для традиционных дневников характерна своеобразная литературная необработанность текстов, так называемая первообразность. Анализируемым текстам Крупина эта черта не свойственна. Видна детальная проработка автором написанного, работа писателя над стилем произведений. При этом некоторые стилиевые черты, а именно использование лексем, характерных для религиозных текстов, житий, молитв, повторяются во многих последних произведениях Крупина. Для читателя, знакомого с более ранними текстами автора, уже не будут удивительны такие предложения: «Сия весть меня зело возрадовала: дрова в редакции сухие березовые, звонкие» [6, с. 220], «Здесь возрождена церковь, в праздники полна народа, а где интеллигенты? Оне на лыжной прогулке, оне устали» [6, с. 208]. Таким образом, можно утверждать, что представленный текст не является первообразным, а прошел процесс редактирования автором, что не соответствует жанровым требованиям дневника. Однако в контексте всего современного творчества писателя представляется гармоничным и выдержанным в одном стиле.

3. Размышления, комментарии и обобщения автора.

Указание жанровой принадлежности (дневник) предполагает наличие, прежде всего, данного приема построения повествования. Целью традиционного дневника является самоанализ, описание духовных переживаний повествователя. Несмотря на это, в «Зимнем дневнике» мы видим не только описание внутреннего мира нарратора, но и описание ряда событий, которые происходят с героем в течение определенного времени. Какие-то люди, встречи, просьбы, разговоры, случайные истории. Крупин вводит более широкое понимание классического дневника, приближая его к очерку, небольшому рассказу, сохраняя при этом имплицитный образ нарратора. В «Весеннем дневнике» и вовсе просматривается конкретный сюжет: подготовка к освящению восстановленной церкви. Кроме того, круг действующих лиц значительно расширяется, в произведении описывается жизнь чуть ли не половины деревни: множество детей, несколько семей, представители церкви. Все они активно действуют, с ними связаны какие-то события, которые оцениваются нарратором.

Если рассматривать личность нарратора, то можно отметить, что он обладает ярко выраженными чертами индивидуальной личности, особенно близкой по мировосприятию к самому Крупину. Представление о жизненной позиции писателя дают, прежде всего, его произведения, поэтому многие особо значимые мотивы и образы встречаются и в более ранних текстах. Например, мотив памяти. Крупин пишет: «Человек есть то, что он помнит» [6, с. 207]. А память неизменно приводит к детству: «Все прошло, все, детство не проходит и не пройдет никогда. Только и есть жизни, что в детстве» [6, с. 206]. Подобные идеи встречаем в повести «Дымка», в рассказах «Бумажные цепи», «Отец, я еще здесь...». Также получает дальнейшее развитие тема Родины. В «Весеннем дневнике» Крупин обращается к этой теме с позиции своего личного долга как писателя: «Если я хоть мало-мальский писатель, должен же я говорить о том, что спасает нас. Это главное. Спасает Родина» [6, с. 227]. Но в центре внимания, как и во всех произведениях писателя 2010-х годов, тема православия, воцерковления. Автор рассуждает: «И вообще, где степень воцерковления. В чем? Она же прежде в страхе Божиим. Даже не ходящий в церковь понимает, что-то есть. Это уже неравнодушие» [6, с. 265]. «Весенний дневник» заканчивается ставшими программными для произведений Крупина утверждениями: «Русская культура обойдется без космополитизма – она православна» [6, с. 316].

По месту, которое нарратор занимает в системе обрамляющих историй, перед нами первичный нарратор. О событиях, связанных со всеми второстепенными персонажами, мы узнаем от нарратора. При этом он стремится передать информацию, не добавляя каких-либо оценочных характеристик. Объектом анализа выступают не люди, рассказывающие о событии, а личные переживания нарратора, которые могли бы возникнуть в подобной ситуации. Рассказы мальчишек и вовсе передаются с помощью цитирования. Крупин берет в кавычки сюжеты, придуманные детьми, при этом максимально подражает их стилю: «В один солнечный день я с друзьями ходил на рыбалку. И я закинул удочку, и у меня сначала не клевало....» [6, с. 236].

По присутствию нарратора в изображаемом мире перед нами диегетический тип нарратора: он повествует о самом себе как о фигуре в диегесисе. Действительно, нарратор – писатель, приехавший из Москвы в родную Кильмезь. В деревне он пишет статьи для районной газеты и участвует в подготовке к Пасхе. Данный тип нарратора характерен для выбранного жанра дневника: он делает текст максимально приближенным к личным, нелитературным дневникам. С. Ларсен рассматривает степень присутствия повествователя «я» в тексте. Согласно ее классификации, в «Зимнем дневнике» и «Весеннем дневнике» перед нами нарратор-протагонист, т.е. собственно автобиографический нарратор, который является центральной фигурой диегесиса. В. Шмид отмечает, что в текстах с данным типом нарратора повествование должно быть основано на «временной, эстетической, психологической дистанции» [4, с. 53] между героем событий и нарратором. Но для произведений Крупина это нехарактерно. Во-первых, время действия максимально сжато, обозначен конкретный период, в который происходят конкретные события. Во-вторых, жанровые особенности дневника предполагают не воспоминания о каких-либо давно прошедших событиях, а констатацию фактов, происходящих в момент написания этого дневника.

В соответствии с данным типом нарратора можно описать модель точки зрения, то есть «образуемый внешними и внутренними факторами узел условий, влияющих на восприятие и передачу событий» [4, с. 67]. Жанровая форма анализируемых произведений предполагает максимальную близость восприятия и передачи событий, поэтому считаем обоснованным говорить о единых факторах, которыми они об-

улавливаются. Шмид выделяет 5 планов точки зрения:

1. Идеологический план.

Восприятие передаваемой нарратором информации обуславливается его знанием и оценкой происходящих событий. В произведении Крупина описывается подготовка к празднованию Великой Пасхи. Сам автор – глубоко верующий христианин – очень хорошо знает все тонкости церковной обрядности, поэтому в тексте они отображены максимально подробно. Так, мы видим детальное описание проведения Святого Причастия и общей исповеди. Нарратор передает общее настроение, фрагменты диалогов, но не дает личностной оценки поведения, грехов, рассуждений других людей. Не случайно во время исповеди батюшка спрашивает у прихожанки, не осуждала ли она кого? В православном каноне осуждение – это серьезный грех. Свою оценку нарратор дает общественным, политическим явлениям: «Есть такое понятие в политике, как головоутиение, а оно в московских коридорах – главный сквозняк. Ведь только дай слабинку, выдели кого-нибудь. И готово дело – готов конфликт» [6, с. 268]. В вопросах, касаемых нравственного облика государства в целом, Крупин не приемлет компромиссов.

2. Временной план.

Традиционно время в литературном произведении выступает как «носитель перемен идеологического характера» [4, с. 69]. Используя диегетический тип нарратора, Крупин не ставит перед собой цели описать какие-то изменения в системе убеждений. Перед читателем сформированная личность, обладающая конкретными чертами, имеющая четкую систему взглядов на мир вокруг.

3. Языковой план.

В обоих дневниках, как и во многих других произведениях Крупина, достаточно часто применяются лексемы, грамматические формы, характерные для вятского говора. При этом обязательно пояснение слов, которые могут быть не понятны читателю из другого региона: «Дай слабинку, потачку по-вятски» [6, с. 268], «Есть весной лужи, есть калужины, а есть и зажорины» [6, с. 293]. Благодаря подобным конструкциям создается образ коренного вятчанина, уважающего и ценящего традиции малой родины.

4. Перцептивный план, совпадающий с пространственным.

Так как дневник предполагает передачу личных эмоций впечатлений пишущего, то вполне обоснованным будет тот факт, что все события воспринимаются через призму убеждений самого Крупина. В «Весеннем дневнике» он вводит ряд второстепенных нарраторов – юных сельских «писателей». Но их размышления четко отделяются от основного текста: они берутся в кавычки, иногда выделяются курсивом, обязательно имеют подзаголовок. При этом в очередной раз подчеркивается нравственная чистота детских мыслей, что характерно для большинства произведений Крупина в целом.

Заключение. Обозначение в заглавии текста его жанровой принадлежности призвано акцентировать внимание на идейной составляющей произведения и особой автобиографичности текста, подчеркнуть психологизм повествования, а не указать на непосредственно жанровую принадлежность к дневнику как к категории литературоведения. При этом предлагаемое писателем определение жанра в корне не противоречит традиционным литературоведческим подходам. В свою очередь обращение к дневниковой форме обуславливает особенности нарратологии текста: создается образ имплицитного, первичного диегетического нарратора, который в идеологическом, языковом, перцептивном плане максимально приближен к личности самого писателя.

Литература

1. Кошурникова, Т. Художественный мир Владимира Крупина / Т. Кошурникова // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. Православие. Самодержавие. Народность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusline.ru/monitoring_smi/2011/09/07/hudozhestvennyj_mir_vladimira_krupina. – Дата доступа: 20.09.2018.
2. Белокурова, С.П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. – СПб.: Паритет, 2007. – 320 с.
3. Крупин, В.Н. Кольцо забот / В.Н. Крупин. – М.: Мол. гвардия, 1982. – 255 с.
4. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
5. Корман, Б.О. Изучение текста художественного произведения / Б.О. Корман. – М.: Просвещение, 1972. – 113 с.
6. Крупин, В.Н. Железный почтальон. Рассказы о праведниках и грешниках / В. Крупин. – М.: Эксмо, 2014. – 544 с.

Поступила в редакцию 04.10.2018 г.